3 Окт. 1976 г. Ленинград РАБОЧИЙ

«Любите ли вы театр?»

Эти знаменитые слова Великого из статьи «О значении Павла Мочалова, сделанном на поприще драматического искусства» — до сих пор сохраняют свежесть и для нас. Не случайно, конечно, что именно на 150-й год со дня смерти гениального трагика, которым уместно назвать на сцене всех времен и народов, театральному обозрению

Итак, любите ли вы театр? Подобрав чтение некоторых исследований, опубликованных нами уже раньше, что интересно и ценно в наше время подвержено комментарию, есть опасность уменьшения роли театра в современной культуре. И не удивительно. Таким могущественным стало искусство кино. А недавнее с его путями-дорогами коммуникациями.

Нет, на сцене сейчас обсуждают проблему «Театр и другие виды зрелищных искусств», новые свои пьесы и место. Вглядимся с надеждой в наши ленинградские спектакли, в которых в всех случаях идет «роман с театром», выясняется, отвечает ли нынче в всех случаях идея «любить и театр» разрешен, остается вопросом, что получит нынешний зритель в ответ.

Как бы ни, современные спектакли, искусство, по-прежнему, все начинается с тех же вопросов, которыми живет спектакль. Если театр не очень современен, то чем бы не настаивает, ни о чем всерьез не беспокоится — с какой стати разговариваться мы? Поглядим в лучшем случае на бо любопытства на то, что нам предлагает со сцены; примерно с таких же любопытством обходим подремонтированное фойе, известным будет, и — до свидания, театр, как-нибудь заглянем еще!

Спектакли, говорящие о главном, о важнейшем в нашей жизни, есть на ленинградских сценах. И все-таки их еще мало. И первая наша надежда на то, чтобы их было больше — такие, что захватывают нас вполне, остаются с нами навсегда, могучим образом влияют на все, что мы делаем, на то, как живем.

При этом театр может обнаружить сильный, светлый, актуальный смысл в старой пьесе. Один режиссер молодого поколения вспоминал, что когда он в его товарищи по учебной скамье молодыми, они поехали на Ленинград в Москву смотреть спектакль Евгения Вахтангова «Принцесса Турандот». После спектакля часть Арбат они прошли мазурки, подскакивая вместе с старой пьесой. Не отдыхнешь! Конечно, сила театра выражается таким сверхдлящим итогом, «прилипанием», что кто кусался на сцене, нет отбоя», по верным словам поэта. Хотя спектакль может быть с виду скромным, внешне обыкновенным, не шумным, не крикливым. Важнее его родится изнутри, от внимательной и точно понятой цели творчества.

МОЖНО по-разному толковать силу и слабость театрального искусства, по-разному смотреть на его будущность, но всякому ясно: на театре в конечном счете никто, кроме актера, взятого «сегодня», власть сейчас в разного рода действенные связи, не способен открыть и внушить зрителю главное содержание сценического произведения. Без истинного творчества актера суть спектакля может быть только догадана, обещана, поверхностно обозначена, то есть окажется не настоящей сутью, а лишь желанием ее.

Роль режиссера в возрожденном театре велика, огромна — кто же с этим спорит! — но сценическое искусство только тогда будет иметь не заменимо, когда зритель по-прежнему смогут присутствовать при чуде нового, всякий раз нового потворения роли актером при них, с ними вместе даже.

Раз уж соглашаемся оставаться верными театру, раз действительно любим его, поиздемся, что в новом сезоне каждый действительно талантливый артист появится хотя бы в одной роли, которая даст ему возможность не просто «показаться», а открыть себя полностью и взять на новую ступень творчества. Горько сознавать (сколько раз об этом говорили и писали сами авторы!), что некоторые первоклассные, виртуозные художники сцены годами не получают новых ролей. Увы, так бывает и в ленинградских театрах.

ОТКРЫТИЕ малых сцен при старых, многопытных театрах — вовсе не только поиски повышения экономического эффекта и уж не в каком случае не простая прихоть. Малые сцены, если их назначение правильно понято, как раз подтверждают способность театрального искусства. Они или более тесно и открыто сводят в спектакле актера и зрителя, и также дают талантливому актеру добавочные возможности проявить себя. Открытие и плодотворное использование малых сцен — характерная черта времени, утверждение театра. Зрители должны это понимать. А театры — тем более. Пока же в Ленинграде только два из них имеют постоянно открытую для зрителей малую сцену. А некоторые большие, огромные, в которых в пять малых сцен разместить было бы впору, тем не менее ничего в этом отношении не предпринимают.

Недавно открылся Молодежный театр-студия при Театре имени Ленсовета. Событие это всем было восприятно и продолжает восприниматься как радостное. Тем более что едва ли не все актеры в этом театре-студии — люди по-настоящему одаренные. Но последнее время молодой спутник стал как будто несколько застывать, не достигнув еще подлинной творческой определенности. Он остановился на каком-то полученном этапе. Между тем это единственный новый театр в Ленинграде за многие десятилетия — и мысль о том, что он так и не выскажется в полный голос, не может в себе сидеть, можно, были бы слишком огорчительные.

В колоссально разросшемся за последние десятилетия Ленинграде театров столько же, сколько было когда-то давно. Социологи устанавливают признаки охлаждения к театральному искусству, а у нас в городе многие просто-напросто не имеют никакой возможности попасть в театр на спектакль, о котором всюду говорят, увидеть актера, которым восхищаются современники. Очевидно, театров должно быть больше. Недавно появилось известие о строительстве большого театрального здания в Кунчине. Это замечательно. Но не имеет ли смысла заряду с возведением обширных зданий, обнадеживающих по поэтическому слову поэтика, предоставлять пусть временные и небольшие помещения для немногочисленных молодых трупп, для «театров одного актера», если у них есть что сказать. Не принесет ли новый сезон в таких новостей? Ведь всякий поиск — в природе художественного творчества, в усилении его направления найдет широкий отклик людей и всюду, будет вызывать других товарищей по искусству на путь всякий и творческих проб.

Сколько различных путей, форм, средств сценического повествования возродились или появились впервые на театральных сценах за два десятилетия с небольшим! Вспомните, мы видели спектакли с вакуумами, которые именно к ним обращались со сцены; смотрели драму, актеры-участники которой не раз появлялись в зрительном зале, и комедию, в которой каждую роль играла два актера; бывали на спектаклях лесных сценариев, только поставленных на обычным образом — по пьесе, а смело собранных самим театром из разнородных литературных произведений... Да подойдите к афишам, найдите названия спектаклей, которые вы видели недавно, — почти каждый обнаружится в памяти по-своему, не похожим на другие.

Здесь можно было бы высказать надежду, что новый сезон еще пополнит круг таких впечатлений. Но... Все сказ в том, что сами по себе внешние приемы и средства никого не решают в основательном зрительном впечатлении. Нечего не должны решать. Хорошего мало, если новый сезон увеличит ряды зрителей, воспринимающих театральный спектакль только глазами: подавай зрелищное для глаз — и все тут. Напротив, пусть усиливается, пусть развивается «глубинное зрение», способность воспринимать спектакль прежде всего не по его обложке. Тогда мы с вами отлично почувствуем, где способствует и поощряющая театральная форма на самом деле своеобразна и неожиданна, потому что служит выражению сути и смысла, а где она имеет мнимое достоинство и принимает бедность, пустоту.

Становится сложней, разнообразней сценические средства — сложней, гибче, тонкие делается труд зрителя. Нельзя с ним отвертеть то или сю, мало вжиться, вникнуть, вдуматься. А всего этого можно достигнуть, если зрители не сидят единожды доверять вере — многие ли она может определить в настоящем искусстве? Любой зритель имеет право на личные, отдаленные и пристрастные отношения к тому или иному театру, спектаклю, интересному соавтору. В притязаниях и отталкиваниях, в согласиях и несогласиях определяется ценность зрителя. Тем что самой разумной, вожделей, будет надежда на то, что в новом сезоне любой зритель получит возможность вполне выказать свои эстетические вкусы в самой их основе, в зерновании.

И в конце концов разве можно отказаться еще от одной надежды: увидеть, узнать, пережить и такое, чего нам с вами и не угадать, не предсказать!

С чувством счастливого ожидания открытий, взлетов и потрясений делаем мы войдем в новый театральный сезон все мы, зрители, без которых театра тоже ведь не бывает, быть не может.

Е. КАЛМАНОВСКИЙ

кандидат искусствоведения